

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ГОЙ ТЫ, РУСЬ
МОЯ РОДНАЯ
(СБОРНИК)

Сергей Александрович Есенин
Гой ты, Русь моя
родная (сборник)
Серия «Библиотека лучшей поэзии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26683279
Гой ты, Русь моя родная (сборник): АСТ; М.; 2017
ISBN 978-5-17-103285-2

Аннотация

Сергей Есенин (1895–1925) – русский поэт, чей потрясающий и многогранный талант подарил миру удивительную лирику, залихватские строки кабацких стихов, вдумчивые рассуждения о Родине. Воспевая родную природу, Русь-Россию, любовь к жизни и миру, Сергей Есенин словно облакает в слова наши собственные чувства и эмоции, чутко передает настроение и проникает в глубины души. За свою короткую жизнь поэт выпустил около 30 поэтических сборников, отражающих изменение мировоззрения и интересов автора. Вышедшая в 1916 году «Радуница» положила начало признанию Сергея Есенина как певца Руси, в чьих искренних и откровенных стихах мы по-прежнему ощущаем биение беспокойного нежного сердца.

Содержание

Радуница (1916)	8
Русь	8
Микола	8
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	12
Калики	13
«Не ветры осыпают пущи...»	14
«Задымился вечер, дремлет кот на бресе...»	15
«Гой ты, Русь, моя родная...»	15
«По дороге идут богомолки...»	16
Поминки	17
«Шел Господь пытатъ людей в любви...»	18
«Край любимый! Сердцу снятся...»	18
«Я странник убогий...»	19
В хате	20
«Черная, потом пропахшая выть...»	21
Дед	22
«Топи да болота...»	22
Маковые побаски	24
«Белая свитка и алый кушак...»	24
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»	25
«Зашумели над затоном тростники...»	25
«Троицыно утро, утренний канон...»	26

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	27
Подражанье песне	27
«Выткался на озере алый свет зари...»	28
«Туча кружево в роще связала...»	28
«Дымом половодье...»	29
Девичник	30
«Сыплет черемуха снегом...»	30
«По селу тропинкой кривенькой...»	31
«Край ты мой заброшенный...»	32
«Я – пастух; мои палаты...»	33
«На плетнях висят баранки...»	34
«Сторона ль моя, сторонка...»	35
«На лазоревые ткани...»	36
«Чую радуницу Божью...»	37
Голубень (1918)	38
Голубень	38
Октоих	38
«За темной прядью перелесиц...»	42
«В том краю, где желтая крапива...»	43
«Я снова здесь, в семье родной...»	45
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	46
Осень	47
«О красном вечере задумалась дорога...»	47
«Ночь и поле, и крик петухов»	48
«О край дождей и непогоды...»	49

Под отчим кровом	51
Пропавший месяц	51
«Под красным вязом крыльцо и двор...»	52
«Не напрасно дули ветры...»	53
Корова	54
«Твой глас незримый, как дым в избе...»	55
«Заглушила засуха засевки...»	56
«Не от холода рябинушка дрожит...»	57
«Весна на радость не похожа...»	58
«К теплomu свету, на отчий порог...»	58
«Заря над полем – как красный тын...»	59
«Алый мрак в небесной черни...»	60
«О товарищах веселых...»	60
Златой посев	62
Ус	62
«Колокольчик среброзвонный...»	65
«Запели тесаные дроги...»	65
Голубень	66
«Прощай, родная пуща...»	69
«Покраснела рябина...»	70
«В лунном кружеве украдкой...»	71
«То не тучи бродят за овином...»	72
«Тучи с ожерёба...»	73
Лисица	74
«О Русь, взмахни крылами...»	75
«Гляну в поле, гляну в небо...»	77

«Там, где вечно дремлет тайна...»	77
Преображение (1918)	79
Преображение	79
Преображение	79
«Разбуди меня завтра рано...»	84
«О Матерь Божья...»	84
«Где ты, где ты, отчий дом...»	85
Пришествие	87
Пришествие	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Сергей Александрович
Есенин
Гой ты, Русь моя
родная (сборник)**

© Есенин, С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Радуница (1916)

Русь

Микола

1

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.
На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.
Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.
Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,

И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.
Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.
Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.
Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.
И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешней,
Прохожу к монастырям».
Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:

«Помолюсь схожу за здоровье
Православных христиан».

3

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.
Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.
Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с миром –
Исцелить печаль забот.
Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома».

Горек запах черной гари,
Осень рощи подожгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.
«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему.
Темный бор, – щекочут свахи, –
Сватай девицу-зиму».
«Всем есть место, всем есть логов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний Богов, –
В Божий терем правлю путь».
Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.
На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
«Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас».

5

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать;

«Клюйте, ангельские птицы:
Колос – жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.
Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен –
Пряжа выснежного льна.
Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.
И, как по траве окосья
В вечереющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

1915

«Пойду в скуфье смиренным иноком...»

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком –
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.
Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить

В звенящей рожью борозде.
Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.
Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.
Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

1914–1922

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу;
У церковей пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.
Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.
Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:

«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

«Не ветры осыпают пущи...»

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы,
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.
Я вижу – в просиничном плато,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распяты воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».
И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.
И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,

Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

«Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе.
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».
Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.
Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышь скребется в затворенной клетки...
У лесной поляны – в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копыя, уперлися в небо.
Закадили дымом под рососою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

«По дороге идут богомолки...»

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.
Топчут лапти по полю кукольні,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.
Отряхают старухи дулейки,

Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.
На воротах монастырские знаки;
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.
Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

Поминки

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо –
На помин небесным птахам пища.
Тащат галки рис с могилки постный,
Вяжут нищие над сумками бечевки.
Причитают матери и крестны,
Голосят невесты и золовки.
По камням, над толстым слоем пыли,
Вьется хмель, запутанный и клейкий,
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.
Под черед за скромным подаяньем

Ищут странницы отпетую могилу.
И поет дьячок за поминаньем:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

«Шел Господь пытатель людей в любви...»

Шел Господь пытатель людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.
Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.
По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.
Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

«Я странник убогий...»

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.
На шелковом блюде
Опада осин,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.
Ширком в луговины,
Целуя сосну,

Поют быстровины
Про рай и весну.
Я странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.
Покоюся сладко
Меж росновых бус.
На сердце лампадка,
А в сердце Иус.

1915

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.
Квохчут куры беспокойные

Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.
А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

«Черная, потом пропахшая выть...»

Черная, потом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.
Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.
Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.
Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.
Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты – русская боль.

Дед

Сухлым войлоком по стежкам
Разрыхлел в траве помет.
У гумен к репейным брошкам
Липнет муший хоровод.
Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптанный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок.
Щурясь к облачному глазу,
Подсекает он лопух,
Роет скрябкою по пазу
От дождей обходный круг.
Черепки в огне червонца.
Дед – как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.

«Топи да болота...»

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Вззвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.
По лугу со скрипом
Тянется обоз –
Суховатой липой
Пахнет от колес.
Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Маковые побаски

«Белая свитка и алый кушак...»

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.
Громко звенит за селом хоровод,
Там она, там она песни поет.
Помню, как крикнула, шитая в сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу не люб.
Кольца кудрей твоих ветрами жжет,
Гребень мой вострый другой бережет».
Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше всех пил.
Кротко я с грустью стоял у стены,
Все они пели и были пьяны.
Счастье его, что в нем меньше стыда,
В шею ей лезла его борода.
Свившись с ним в жгучее пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо.
Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.
Маком влюбленное сердце цветет,
Только не мне она песни поет.

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.
Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.
Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.
Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.
Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.
Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.
Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

«Зашумели над затоном тростники...»

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.
Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной:
На березке пообъедена кора, –
Выживают мыши девушку с двора.
Бьются кони, грозно машут головой, –
Ой, не любит черны косы домовой.
Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.
Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

«Троицыно утро, утренний канон...»

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.
Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.
На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.
Пойте в чаще, птахи, я вам подпою.
Похороним вместе молодость мою.
Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.
Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.
То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.
Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.
Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В прже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

«Выткался на озере алый свет зари...»

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

«Туча кружево в роще связала...»

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала

Вдалеке от родимых полян.
Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.
Пригорюнились девушки-ели;
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

«ДЫМОМ ПОЛОВОДЬЕ...»

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.
Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.
Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.
Роца синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой

За твою судьбу.

Девичник

Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой подружкой.
Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.
Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической чести.
Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.
Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без мужа.

«Сыплет черемуха снегом...»

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе,

В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.
Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.
Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

«По селу тропинкой кривенькой...»

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.
Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».
Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:

«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».
Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.
Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, – догони!
Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.
По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.
По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальние деньки.

«Край ты мой заброшенный...»

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.

Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.
Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.
Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.
В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.
Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былъ,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

«Я – пастух; мои палаты...»

Я – пастух; мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.
Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.

В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.
Светят зелено в сутёмы
Под рососою тополя.
Я – пастух; мои хоромы –
В мягкой зелени поля.
Говорят со мной коровы
На кивливом языке,
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.
Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

«На плетнях висят баранки...»

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.
Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист,
Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.

Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.
За лещужною сурьюмою –
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?
Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.
Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

«Сторона ль моя, сторонка...»

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...
Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.
По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год

С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.
Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

«На лазоревые ткани...»

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.
Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.
По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.
Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.
Ярче розовой рубахи

Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

«Чую радуницу Божью...»

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.
Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.
Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.
Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.
Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

Голубень (1918)

Голубень

Октоих

*Гласом моим
Пожру Тя, Господи.
Ц. О.*

1

О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.
Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.
Святись преполовением
И Рождеством святись,

Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.
Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный знак.
О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.
Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол,
И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье Божьих рук.

2

«О Дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.
Омой наши лица

Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.
В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!
Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.
Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых».

3

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.
Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.
И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

4

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.
Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.
И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.
С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.

Не долетает голос
В его далекий брег...
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:
«Восстань, прозри и вижди!
Неоскажем рок.
Кто все живет и зиждет –
Тот знает час и срок.
Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдет в корабль звезды».

Август 1917

«За темной прядью перелесиц...»

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, –
И кажется с тропы далекой –

Вода качает берега.
А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.
О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.
И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.
Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

1916

«В том краю, где желтая крапива...»

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.
Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,

Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.
Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.
Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.
Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.
И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.
И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

«Я снова здесь, в семье родной...»

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.
Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.
Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!
В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.
И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.
С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.
Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.
В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.
Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста.
Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

1916

Осень

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень – рыжая кобыла – чешет гриву.
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.
Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.

1914

«О красном вечере задумалась дорога...»

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.
Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.
Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

«Ночь и поле, и крик петухов»

Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.
Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.
Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.
Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливаямышь.

1916–1922

«О край дождей и непогоды...»

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.
За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.
Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое

По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...

Но и в кошме певучей тьмы

Неизреченностью животной

Напоены твои холмы.

Под отчим кровом

Пропавший месяц

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.
Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло –
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло –
месяца нет.
Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.
Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой

Солнечных век
привязал.
Солнышко к Богу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося –
месяц как тут.
Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.
Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

«Под красным вязом крыльцо и двор...»

Под красным вязом крыльцо и двор,
Луна над крышей как злат бугор.
На синих окнах накапан лик:

Бредет по туче седой Старик.
Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды – озимый сев.
Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.
Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.
Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.
В меже под елью, где облак-тын,
Мне снились реки золотых долин.
И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов.

«Не напрасно дули ветры...»

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.
С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.
Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,

Как родительский очаг.
Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.
И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Корова

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.
Сердце не ласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.
Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.
Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее

И поведут на убой.
Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

«Твой глас незримый, как дым в избе...»

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.
Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.
Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.
Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.
В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.
На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.
Есть радость в душах – топтать твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.
Но краше кротость и стихший пыл
Склонивших веки пред звоном крыл.

«Заглушила засуха засевки...»

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.
Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледащий:
«Спаси, Господи, люди твоя».
Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».
Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.
Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.
Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».
На коне – черной тучице в санках –

Билось пламя-шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

«Не от холода рябинушка дрожит...»

Не от холода рябинушка дрожит,
Не от ветра море синее кипит.
Напоили землю радостью снега,
Снятся деду иорданские берега.
Видит в долах он озера да кусты,
Через озера перекинуты мосты.
Как по мостику, кудряв и желторус,
Бродит отрок, сын Иосифа, Исус.
От восхода до заката в хмаре вод
Кличет утиц он и рыбешек зовет:
«Вы сходитесь ко мне, твари, за корму,
Научите меня разуму-уму».
Как по бережку, меж вымоин и гор,
Тихо льется их беседа-разговор.
Мелка рыбешка, сплеснувшись на песок,
Подает ли свой подводный голосок:
«Уж ты, чадо, мило дитяtko, Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном на допрос.
Ты иди учись в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небесах».

«Весна на радость не похожа...»

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.
У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.
Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.
И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

«К теплomu свету, на отчий порог...»

К теплomu свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый вздох.
Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет.

Строен и бел, как березка, их внук,
С медом волосьев и бархатом рук.
Только, о друг, по глазам голубым –
Жизнь его в мире пригрезилась им.
Шлет им лучистую радость во мглу
Светлая Дева в иконном углу.
С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.

«Заря над полем – как красный тын...»

Заря над полем – как красный тын.
Плывет на тучке Превечный Сын.
Вот вышла бабка кормить цыплят.
Горит на небе святой оклад.
– Здорово, внучек!
– Здорово, свет!
– Зайди в избушку.
– А дома ль дед?
– Он чинит невод ловить ершей.
– А много ль деду от роду дней?
– Уж скоро девять десятков зим. –
И вспорхнул внучек, как белый дым.
С душою деда поплыл в туман,
Где зреет полдень незримых стран.

«Алый мрак в небесной черни...»

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.
Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.
Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но зовет нас из Псалтыри
Заревой заре псалом.
И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги Голубиной
Напоить свои уста.

«О товарищах веселых...»

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.
Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.
Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.
Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

Златой посев

Ус

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под тыном,
Расставалась мать с верным сыном:
«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном».
То не водный звон за путиной –
Бьет копытом конь под осиной.
Под краснёву дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:
«Ты не стой, не плачь на дороге,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».
Не река в бугор била пеной –
Вынимал он нож с-под колена,
Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:
«Уж ты, мать моя, голубица,

Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»
Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты, сын ли мой, мое чадо!»

* * *

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.
Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.
Перед ним все знать да бояры,
В руках золотые чары.
«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!
Нацедили мы вин красносочих
Из грудей из твоих из высоких,
Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»
Молчит Ус, не кинет взгляда, —
Ничего ему от земли не надо.
О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает...

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горя, сидя под божницей.
Вот прошло-проплыло уж второе лето,
Снова снег на поле, а его все нету.
Подошла, взглянула в мутное окошко...
«Не одна ты в поле катишься, дорожка!»
Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном.
«Хорошо б прижаться к золотым иконам...»
Села и прижалась, смотрит кротко-кротко...
«На кого ж похож ты, светлоглазый отрок?..
А! – сверкнули слезы над увядшим усом. –
Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!»
Радостью светит она из угла.
Песню запела и гребень взяла.
Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на порог.
Вечер морозный, как волк, темно-бур...
Кличет цыплят и нахохленных кур:
«Цыпушки-цыпы, свет-петушок!...»
Крепок в руке роговой гребешок.
Стала, уставилась лбом в темноту,
Чешет волосья младенцу Христу.

«Колокольчик среброзвонный...»

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.
Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.
Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

«Запели тесаные дроги...»

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.
Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.
Холодный скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.
И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Голубень

В прозрачном холоде заголубели доли,
Отчетлив стук подкованных копыт.
Трава, поблекшая, в расстеленные полы
Собирает медь с обветренных ракиг.
С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водю белой пальцы синих ног.

* * *

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.
В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

* * *

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.
Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.

* * *

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород,
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.
Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хрустом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

* * *

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей любви.
Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

* * *

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.
Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

«Прощай, родная пуща...»

Прощай, родная пуща,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.
Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.
Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой

Лесов не оглашать.
И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

«Покраснела рябина...»

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.
Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.
Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.
Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.
Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра

Пахнет зреющий снег.
Но незримые дрожжи
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

«В лунном кружеве украдкой...»

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.
Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна, как в белой зыбке.
Разыгралась тройка-выюга,
Брызжет пот, холодный, тёрпкий.
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.
Смерть в потемках точит бритву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

«То не тучи бродят за овином...»

То не тучи бродят за овином

И не холод.

Замесила Божья Матерь сыну

Колоб.

Всякой снадобью она поила жито

В масле.

Испекла и положила тихо

В ясли.

Заигрался в радости младенец,

Пал в дрему,

Уронил он колоб золоченый

На солому.

Покатился колоб за ворота

Рожью.

Замутили слезы душу голубую

Божью.

Говорила Божья Матерь сыну

Советы:

«Ты не плачь, мой лебеденочек,

Не сетуй.

На земле все люди человеки,

Чада.

Хоть одну им малую забаву

Надо.

Жутко им меж темных

Перелесиц,
Назвала я этот колоб –
Месяц».

«Тучи с ожерёба...»

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.
Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.
Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.
Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.
Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.
Скрежетом булата

Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.
Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

Лисица

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.
Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.
Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.
Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах – как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,

А в ошур сочилась тихо кровь.

1915

«О Русь, взмахни крылами...»

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.
По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.
В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.
За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.
От Вытегры до Шуи
Он изобразил весь край
И выбрал кличку – Клюев,
Смиренный Миколай.
Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,

И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.
А там, за взгорьем смелым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.
Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.
Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.
За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.
Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.
Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.
Довольно гнить и ноешь,
И славить взлетом гнусь —
Уж смысла, стерла деготь

Воспрянувшая Русь,
Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

«Гляну в поле, гляну в небо...»

Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.
Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.
О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

«Там, где вечно дремлет тайна...»

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.

Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.
Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.
Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.
Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.
Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

1917

Преображение (1918)

Преображение

Преображение

Разумнику-Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!
Перед воротами в рай
Я стучусь;
Звездами спеленай
Телицу-Русь.
За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь,
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.
Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;
О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.
С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.
«О веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею оценится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.
И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный жук,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, –
Трубите в трубы.
Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.
Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.
Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле –
Синь.
Бубенцы на шлее –
Звезды.

4

Стихны, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.
Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.
Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.
Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.
От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.
И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.
А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, —
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.
И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

«Разбуди меня завтра рано...»

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.
Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.
На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.
Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.
Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

«О Матерь Божья...»

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.
Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.
Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.
Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.
И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

«Где ты, где ты, отчий дом...»

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.

Где ты, где ты, отчий дом?
За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.
Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

Пришествие

Пришествие

А. Белому

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.
За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.